

Л.А. Бессонова (г. Минск, Республика Беларусь)

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
МАКСИМА БОГДАНОВИЧА

Максим Богданович занимает особое место в европейском художественном контексте: его считают белорусским поэтом, но мало кто знает, что он писал стихи и на русском языке. С 1909 г. по 1916 г. он написал 17 стихотворений на русском языке, которые были опубликованы в сборнике его произведений только в 1927 г.. Польский поэт и переводчик Ян Гуца справедливо называет белорусского классика человеком, «отмеченным гениальностью» [т. 1, с. 49].

Русскоязычная художественная проза и лирика, автопереводы Максима Богдановича исследованы недостаточно полно. В переводах великий классик видел активный катализатор, который должен был расширять и обогащать идейно-тематические, образные, сюжетные, изобразительно-выразительные средства и возможности языка.

В творческом наследии М. Богдановича как вторичной моделирующей системе индивидуальная картина мира воплощается при помощи целенаправленно отобранных, в соответствии с замыслом автора, языковых средств. Как отмечает Л.А. Новиков, художественное произведение – «это явление психическое, наиболее гибкий и «подвижный» материал» [5, с. 7].

Особое место в идиостиле известного поэта занимают категории художественных пространства и времени, представляющие собой целостное структурно-смысловое единство и отражающие в человеческом сознании наивно-бытовое восприятие данных категорий, их параметров, характеристик. А.Д. Шмелев называет время загадочным феноменом, «близко касающимся человека, интуитивно как будто бы ясным, но противоречивым и с трудом поддающимся экспликации» [6, с. 316]. В художественных текстах время – это типы сюжетного развития, позиция повествователя. По мнению М.Ю. Лотмана, «пространственная картина мира многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой «здравый смысл»» [3, с. 297]. Уникально лишь сочетание этих категорий и их компонентов в языковой картине мира каждого поэта.

Время и пространство – всеобщие формы существования материи, которые имеют объективный характер и обладают количественной и качественной бесконечностью. Для языковых

картин пространства и времени важными являются такие координаты, как место действия, местоположение субъекта действия, положение или нахождение внутри чего-либо, направление действия, протяженность, перемещение, форма, размеры, время действия, момент речи. Эти сферы с разной долей соотнесенности находят отражение в лексике поэтических текстов М. Богдановича.

Концептосферы времени и пространства в русскоязычных произведениях М. Богдановича соответствуют общепринятым в русском языке и национальном сознании и представлены лексемами *ночь, май, час, небо, вечер, день, мгновение, сегодня, вчера, осень, долго, теперь, когда, земля, мир, край, дом, гора, дорога, высь* и др. Как отмечает Ю.М. Лотман, язык пространственных и временных представлений автора, «взятый сам по себе, значительно менее индивидуален и в большей степени принадлежит времени, эпохе, общественным и художественным группам, чем то, что художник на этом языке говорит, чем его индивидуальная модель мира» [2, с. 252].

В стихотворениях М. Богдановича можно выделить следующие лексические и грамматические средства, репрезентирующие художественные категории пространства и времени:

1) имена существительные: *Хорошо прозрачной теплой ночью мая В травах светляков зеленый свет горит* (т. 1, с. 323); *По улице, смеясь, шая, Проходят близко гимназисточки* (т. 1, с. 335); *Я же к птичке в клетке «счастье» брать иду* (т. 1, с. 348); *Подыми к небесам свои взоры* (т. 1, с. 349); *День кончился, ночь впереди* (т. 1, с. 350); *Рассыпались звезды и чутко На землю, на край наш глядят* (т. 1, с. 350); *Как на море бурю* (т. 1, с. 352); *Как будто в мир иной окно* (т. 1, с. 353); *Скорее вечер в прошедшее канет* (т. 1, с. 354); *На нас томительно, угрюмо наплывает В выси чудовище* (т. 1, с. 355);

2) имена прилагательные: *Убаюканный вечерней тишиною* (т. 1, с. 359), *Я вспоминаю дом старинный* (т. 1, с. 326); *Пронзает душу острыми Мне долгое забвенье Вами* (т. 1, с. 344); *Весь погружён душой в былые дни* (т. 1, с. 345); *От впечатлений детских лет В моей душе остался след* (т. 1, с. 346); *Близка уж стужа зимних дней* (т. 1, с. 335); *Пахнула свежестью старинная страница* (т. 1, с. 362);

3) указательные местоимения, приобретающие в поэтических произведениях особую экспрессивную направленность: *В этот час душа широко раскрывает Крылья белые* (т. 1, с. 323); *Тот день, когда её законом воспретят* (т. 1, с. 337); *С тех пор прошло немало дней* (т. 1, с. 347); *В тот миг, когда вал чувства грудь вздымает* (т. 1, с. 342);

4) наречные номинации, определяющие временную и пространственную характеристику действия: *Настанет скоро ночь* (т. 1, с. 361); *Что ж видят они там, что слышат?* (т. 1, с. 350); *Тут*

рос густой, суровый бор (т. 1, с. 353); **Вдали** над белыми громадами церковей (т. 1, с. 360); **А тут**, вблизи окна, малиновка поет (т. 1, с. 360); **И угрюмый, усталый, вниз** пошел я снегами: **Там** хоть солнце и **далее**, но сияет теплей (т. 1, с. 363); **Если, Роночка, ты** встанешь **спозаранку** Или если спать не будешь по ночам (т. 1, с. 327); **А надо** им сказать тогда... (т. 1, с. 328); **Но** буду я помнить **всегда** (т. 1, с. 332); **Теперь**, наверно, моего знакомого поймет душа сатириконеца (т. 1, с. 337); **Счастье, ты вчера** блеснуло мне несмело (т. 1, с. 338);

5) в качестве носителей временной и пространственной семантики иногда встречаются числительные: **Настанет скоро** ночь, и **первая** звезда **Благословит** конец пригожего труда (т. 1, с. 361); **Списал псалтырь Иван** из града Волковыска **В году семь тысяч сто восьмом** с начала дней (т. 1, с. 362); **Три** года протекли, как нам пришлось расстаться (т. 1, с. 341);

6) пространственные и временные союзы и союзные слова: **Когда** ж топор в бору раздался (т. 1, с. 353); **С** каким смущеньем я, **когда** душа очнулась, **Взглянул, поднять** не смя головы (т. 1, с. 331);

7) пространственные и временные предлоги: **Хорошо** на небе **россыпь** золотая **Звезд** блестящих **переливчато** дрожит (т. 1, с. 323); **И** **затихнут** **больные** **укоры**, **Пропадут**, **Эт** души отлетя (т. 1, с. 349); **Чрез** **дымчатый** **хрусталь** **прозрачно-тёмной** **ночи** **Идущих** **мимо** нас **людей** **сияют** **очи** (т. 1, с. 329); **Ах, сколько** есть **красы** **волшебной** **рядом** с нами (т. 1, с. 329).

Пространство и время у М. Богдановича являются важными элементами мифологической модели мира. Пространственный тезаурус поэтических текстов включает следующие мифологемы: **дорога** – символ человеческой жизни; **дом** – 1) центростремительный перекресток всех путей-помыслов, сходящихся у родного очага; 2) символ представления о благодатном покое и порядке; обеспечивает человеку уют и покой; 3) главное материализующее начало семьи; **окно** – канал общения с миром; **земля** – всеобщий источник жизни, одна из основных «стихий» мироздания (наряду с водой, воздухом и огнем). Для лирики М. Богдановича свойственно противопоставление «далекого» (и его ассоциативного ряда «космического, мифологического, счастливого) – «близкого» (ассоциативный ряд «земного, реального, несчастного»: **Рассыпались звезды** и **чутко** **На** **землю, на край** наши глядят. **Что ж видят** они там, **что слышат? Зачем** все **дрожат** и **дрожат?** (т. 1, с. 350).

Следует отметить, что любимым временем суток Богдановича был вечер, но в поэтических текстах это слово в значении «конец дня, пора угасания солнца» встречается очень редко. Вечер привлекал классика белорусской литературы скрытностью звуков,

сверканием красок, тем, что заострял внимание на сущности жизни, а не только на социальных контрастах, что бросались в глаза при дневном свете и волновали поэта.

В некоторых случаях темпоральные номинаторы помимо временной семы включают и качественные характеристики: *Близка уж стужа зимних дней; Ты вечером крещенским ворожила.*

Пространственные и временные представления в поэзии М. Богдановича передаются яркими красками: *Хорошо прозрачной теплой ночью мая В травах светляков зеленый свет горит* (т. 1, с. 323); *Чрез дымчатый хрусталь прозрачно-тёмной ночи* (т. 1, с. 329); *При свете россыпью на липах блещут росы* (т. 1, с. 329); *Виднелся бор, синела даль* (т. 1, с. 358); *В небе месяца сияет бледный рог* (т. 1, с. 359). Активизация пейзажных зарисовок, наполнение их новым эмоционально-психологическим содержанием способствуют конкретизации художественного пространства и времени.

Посредством пространственно-временных характеристик автор передает внутреннее состояние лирического героя: *В сердце шипела отравы Любви, и тоски, и стыда; В сердце нет ни тоски, ни забот* (т. 1, с. 349); *В сердце зыбком что-то мело и болело* (т. 1, с. 338); *Пронзает душу остриями Мне долгие забвенья Вами; Весь погружён душой в былые дни* и др.

В русскоязычных текстах М. Богдановича наблюдается низкая степень частотности употребления заголовочных комплексов, выражающих пространственно-временные отношения и имеющих статус абсолютно сильной позиции текста. Содержательная структура заглавия произведения служит свернутым текстом и отправной точкой для рассуждений, «доминантой смысла» (определение Выготского): например, временные отношения заявлены в названиях стихотворений «Триолет XVIII века» и «Осенью»; пространство четко очерчено в заголовках стихотворений «Озеро», «В старом саду», «Городская любовь».

Таким образом, основными репрезентативными единицами, определяющими специфику организации художественного пространства и времени русскоязычной лирики М. Богдановича, являются имена существительные, прилагательные, местоимения, числительные, наречия, основная функция которых - номинативная и функция качественной характеристики, степени признака. Для конкретизации пространственно-временных отношений поэт также широко использует предлоги, союзы и союзные слова.

Передача в стихотворном произведении переживаний, чувств и откровений человека, в которых достаточно полно обнаруживается «жизнь души» (согласно С.Л. Франку), во многом осуществима благодаря художественной организации времени и пространства. В

поэтических текстах М. Богдановича значащие элементы языка оказываются связанными сложной системой отношений, что придает, по словам Ю.М. Лотмана, «и каждому элементу в отдельности, и всей конструкции в целом совершенно особую семантическую нагрузку, раскрывает в словах неожиданное, вне стиха невозможное, новое семантическое содержание» [4, с. 49].

Поэт-философ и в то же время поэт-стилист понятен и близок людям любой национальности. Английский переводчик Вера Рич справедливо отметила, что «Максим Богданович как лучший представитель белорусской литературы входит в пантеон поэтов света, как равный среди равных» [1, т. 1, с. 49].

Литература

1. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: У 3 т. / М. Багдановіч. – Т. 1–3. – Мн., 2001.

2. Лотман, Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь / Ю.М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.

3. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М., 1992.

4. Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 1996. – 848 с.

5. Новиков, Л.А. Искусство слова / Л.А. Новиков. – М.: Педагогика, 1982.

6. Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.